

ненужныхъ фокусовъ, прикрывающихъ недостаточную исполненность души и скудость основной поэтической стихии. Въ чемъ, однако, сомнѣваться нельзя, такъ это въ томъ, что литература вокругъ Пастернака и самъ литераторъ-Пастернакъ были всегда худшими образами Пастернака - поэта. Врѣжда эта, конечно, была predetermined не столько силою литератора, сколько именно слабостью поэта; однако, оба существуютъ въ Пастернакѣ и ни одного изъ нихъ вычеркнуть нельзя. Вотъ почему, изучая порознь каждого изъ нихъ мы и пришли къ выводамъ противорѣчающимъ на первый взглядъ одинъ другому. На самомъ дѣлѣ противорѣчія въ нихъ нѣтъ. Литературная работа Пастернака, особенно въ области прозы, имѣетъ права на наше вниманіе и, въ совокупности современной русской литературы, уже, какъ намѣреніе, представляетъ интересъ. Что же касается той доли поэтического дара, которая Пастернаку отдѣлена, то, сама по себѣ, она можетъ сохранить свое значеніе въ любое время и въ любой литературной обстановкѣ; она не подчинена исторіи, — по крайней мѣ-

рѣ до тѣхъ поръ, пока, въ погонѣ за новизной, сама не старается къ исторіи прислужиться. Не будь поэта въ Пастернакѣ, не было бы и литератора; но это не мѣшаетъ литератору, калѣча и насилюя поэта все же играть въ литературѣ — довольно вредную — самостоятельную роль: вызывать подражанія, поверхностныя моды, подрывать глубокія традиціи. Характернѣе всего, однако, для современнаго состоянія русской литературы, не поэтъ и не литераторъ Пастернакъ, а именно эта распря въ немъ литератора и поэта и то, что въ этой распрѣ успѣхъ у современниковъ и даже у него самого имѣетъ литераторъ, а не поэтъ. Свидѣтельствуетъ это конечно, не о литературномъ цѣненіи, а о глубокомъ и, можетъ быть, гибельномъ переломѣ. Нѣкоторыя строфы въ послѣдней книгѣ Пастернака какъ будто говорятъ о томъ, что для него, а то и не только для него, возможны еще освобожденіе и выходъ. Но судьбѣ его мы не можемъ придать слишкомъ большого сверхличнаго значенія; да и самая судьба эта еще темна.

В. Вейдле.

Новыя аграрныя программы европейскихъ социалистическихъ партій.

За послѣдніе три года тремя руководящими социалистическими партіями Западной Европы опубликованы были три документа первостепенной важности. Я имѣю въ виду аграрную программу Австрійской социал-демократіи, принятую на съѣз-

дѣ въ Вѣнѣ осенью 1925 года, такую же программу Британской Рабочей партіи, принятую Генеральнымъ Совѣтомъ Конгресса Трѣдъ-юніоновъ, Нац. Исполн. Комитетомъ Рабочей Партіи и Исполн. Комитетомъ Парламентской Рабочей Партіи осенью 1926

года и, наконец, аграрную же программу Германской соц. - демократической партіи, единогласно принятую на съѣздѣ въ Килѣ осенью 1927 года*). Эти три программы являются въ сущности вообще первыми подробно разработанными и самостоятельными аграрными программами, опубликованными крупными западно - европейскими социалистическими партіями. Онѣ представляютъ собою тѣмъ болѣе интересъ, что въ нихъ съ особенной яркостью обнаружилось то новое пониманіе основныхъ понятій и самыхъ цѣлей социализма, которое все явственнѣе намѣчается въ западно - европейскомъ социализмѣ въ результатъ пережитого имъ подъ влияніемъ войны и Русской революціи идеологического сдвига.

Если сдвигъ этотъ совершенно игнорируется русской буржуазной печатью, продолжающей оцѣни-

* Срв. I) Das Agrarprogramm der deutschösterreichischen Sozialdemokratie. 1925, и комментарий къ ней. — II) *Otto Bauer's Sozialdemokratische Agrarpolitik*. 1926. *Wiener Volksbuchhandlung*. — III) *Labour's Policy on Agriculture*, publ. by the Labour Party, Lond., 1926. — IV) *Sozialdemokratische Agrarpolitik* (текстъ программы съ комментаріями къ нему *Hans Krüger's* и *Fritz Baade*), Verl. J. Dietz Nachfolg. Berlin. 1927.— Въ дальнѣйшемъ я буду цитировать эти документы въ текстѣ подѣ соответствующими цифрами. Арабская цифра въ ссылкахъ означаетъ страницу.

вать западно - европейскій социализмъ такъ, какъ будто бы онъ все еще стоитъ на позиціи Эрфуртской программы и чуть ли даже не Коммунистическаго Манифеста, то это вполне понятно. Эти направленія русской эмигрантской общественности окончательно похоронили социализмъ и, смотря на него какъ на мертвеца, естественно отказываютъ ему въ правѣ развиваться и видоизмѣняться сообразно новымъ историческимъ обстоятельствамъ, приписывая себѣ однимъ монополию учиться у исторіи, вырабатывать новую идеологию и предлагать новыя рѣшенія. Гораздо менѣе понятно то же отношеніе совершеннаго умолчанія къ новымъ программамъ европейскихъ социалистическихъ партій со стороны всѣхъ русскихъ официальныхъ социалистическихъ органовъ печати. Ни «Революціонная Россія» ни «Социалистическій Вѣстникъ» до сихъ поръ не высказались по существу новыхъ аграрныхъ программъ. Неужели они отклоняютъ обсужденіе теоретическихъ вопросовъ социализма и ограничиваются исключительно вопросами тактики и текущей политики потому, что считаютъ всѣ теоретическія проблемы окончательно и безповоротно рѣшенными въ своихъ до-революціонныхъ программахъ и не подлежащими болѣе никакому пересмотру? По этому поводу хотѣлось бы въ особенности напомнить традицію до-революціонной русской социалистической эмиграціи, которая все же интересовалась въ первую очередь вопросами теоретическаго порядка, иногда даже слишкомъ утрированно сводя самыхъ мелкихъ

тактичеськія разногласія къ основнымъ различіямъ программы и міровоззрѣнія.

1.

Прежде чѣмъ приступить къ характеристикѣ отразившагося въ новыхъ программахъ идеологическаго сдвига, напомнимъ вкратцѣ отличительныя черты подхода къ аграрному вопросу довоеннаго социализма. Какъ разъ по этому вопросу о землѣ довоенный социализмъ менѣе всего отличался единодушіемъ. Правовѣрные марксисты, отрицая всякое своеобразіе аграрнаго развитія, мыслили рѣшеніе аграрнаго вопроса такъ, какъ они представляли себѣ ходъ социалистической революціи въ промышленности: крупное производство, полагали они, въ силу своей технической выгоды и въ земледѣліи стонитъ съ теченіемъ времени съ земли крестьянство, превративъ его въ сельскохозяйственный пролетаріатъ. Рѣшеніе социальнаго вопроса и на землѣ будетъ заключаться въ «экспропріаціи экспропріаторовъ», т. е. въ передачѣ земельной собственности обществу при сохраненіи однако унаслѣдованной отъ послѣдней фазы капитализма формы крупнаго производства («фабрики хлѣба»). Въ противоположность этому русскій народнический социализмъ, а съ начала текущаго столѣтія и нѣмецкій ревизионизмъ (Давидъ) настаивали на своеобразіи сельскаго хозяйства и на жизнеспособности крестьянства, мелкое производство котораго гораздо успѣшнѣе конкурируетъ съ крупнымъ помѣщичьимъ хозяйствомъ, чѣмъ этого хотѣла бы марксистская те-

орія. Если нѣмецкій ревизионизмъ дѣлалъ отсюда выводъ о необходимости включить въ орбиту своего вліянія по крайней мѣрѣ мелкаго крестьянина, заинтересованнаго болѣе въ расширеніи своего землепользованія, чѣмъ въ сохраненіи своей мелкой земельной собственности, то русскій народнический социализмъ, опосылаясь на жизнеспособности мелкаго производства въ сельскомъ хозяйствѣ и исходя изъ идеала отвлеченнаго равенства, видѣлъ рѣшеніе вопроса въ надѣленіи крестьянъ землей по уравнилельно-трудовой нормѣ. Но и для марксизма и для народническаго социализма вопросъ о формѣ производства стоялъ въ центрѣ обсужденія.

Въ связи съ этимъ социализація сельскаго хозяйства понималась въ первую очередь какъ перемѣна субъектовъ собственности, какъ изытіе земли изъ капиталистическаго оборота и обращеніе ея въ общепародную собственность. Правда, понятіе собственника земли не опредѣлялось при этомъ въ точности. Марксизмъ, считавшій вообще, что государство въ социализмѣ растворится въ обществѣ, мыслилъ социализацію сначала какъ огосударствленіе, автоматически переходящее съ отмираніемъ «диктатуры пролетаріата» и ея орудія — государства въ какое-то сейчасъ еще трудно представимое «общество». Къ этому, какъ мнѣ представляется, повидимому, склонялась и программа партіи социал. - революціонеровъ, отличающаяся отъ марксистскаго рѣшенія вопроса только своимъ взглядомъ на форму производства, тогда

какъ партія нар. социалистовъ опредѣленно понимала социализацию сельскаго хозяйства какъ обращеніе земли въ «собственность государства», совпадая, впрочемъ, въ вопросѣ о формѣ производства съ с. - ровскимъ воззрѣніемъ и, вмѣстѣ съ социалистами революціонерами же, мысля государство дѣйствующимъ на мѣстахъ не черезъ посредство бюрократическаго аппарата управления, а черезъ посредство демократически организованнаго земскаго самоуправления.

Это механическое пониманіе социализации сельскаго хозяйства, какъ перемѣны субъекта земельной собственности, придавало аграрнымъ социалистическимъ программамъ опредѣленно революціонный характеръ. Перемѣна собственниковъ — по существу своему актъ, не требующій большаго промежутка времени, могущій быть произведеннымъ сразу, однимъ постановленіемъ власти, какъ только ее удалось завоевать «пролетариату» или «трудовому народу». Конечно, всѣ социалистическія партіи не могли не считать, что послѣ обращенія земли въ «общенародное достояніе» гачнется періодъ социалистическаго строительства сельскаго хозяйства въ видѣ ряда разнообразныхъ конкретныхъ мѣропріятій, принимаемыхъ государственной властью и органами мѣстнаго самоуправления относительно перешедшей въ ихъ собственническое завѣдываніе земли. Но какъ разъ на этихъ конкретныхъ мѣропріятіяхъ программы не останавливались: считалось, что все прочее приложится само собою, какъ только будетъ рѣшенъ основной вопросъ о

собственности, являющийся предпосылкой всякаго конкретнаго строительства. Даже наименѣ революціонная изъ всѣхъ социалистическихъ партій, народно - социалистическая, поскольку она допускала (хотя бы и «минимальное») вознагражденіе за отчуждаемая частновладѣльческія земли и «постепенность» перехода ихъ въ общенародную собственность, видѣла рѣшеніе вопроса тоже въ первую очередь въ перераспределеніи земельной собственности, въ передѣлѣ, какъ по существу своему механическомъ и революціонномъ (хотя бы и не въ формахъ гражданской войны и диктатуры, а въ формахъ правоваго общенароднаго рѣшенія происходящемъ) актѣ.

Въ связи съ этимъ, въ качествѣ четвертой характерной черты довоенныхъ аграрныхъ программъ, слѣдуетъ отмѣтить ихъ классовый характеръ. Социализация понималась не только какъ актъ, имѣющій произойти въ результатѣ завоеванія власти однимъ классомъ (пролетариатомъ какъ въ правовѣрномъ марксизмѣ, или пролетариатомъ и трудовымъ крестьянствомъ, какъ въ народническомъ социализмѣ), но и какъ установленіе такого порядка, въ которомъ всѣ члены общества будутъ поставлены въ одинаковое отношеніе къ орудіямъ производства, какъ простые пользователи ихъ, а не какъ полновластные собственники. Уничтоженіе классової борьбы мыслилось такимъ образомъ какъ поглощеніе множества (или двойственности) нынѣ существующихъ классовъ однимъ рабочимъ классомъ. И народнической социализмъ, отстаива-

вавший своеобразное положеніе крестьянства въ современномъ обществѣ, потратилъ не мало хитроумія на то, чтобы показать, что трудовое крестьянство составляетъ одинъ классъ съ пролетаріатомъ, поскольку источникомъ его дохода является тоже только его заработная плата. Уравнительно-трудовая норма въ социалистическомъ строѣ, исключая возможность въ сельскомъ хозяйствѣ отношеній индивидуальнаго хозяина и работника, должна была именно обезпечить эту существенную классовую однородность крестьянина и рабочего и въ этомъ смыслѣ безклассовый характеръ социалистическаго общества.

2.

Уже самого бѣлаго взгляда на всѣ три программы достаточно, чтобы убѣдиться, какъ далеко перемѣстился центръ тяжести въ новомъ пониманіи социализаціи: сельского хозяйства. Вопросъ о перераспределеніи земельной собственности занимаетъ во всѣхъ нихъ дозволенно скромное мѣсто по сравненію съ тщательно разработанной системой конкретныхъ мѣропріятій различнаго рода, которыя только и могутъ обезпечить настоящую социализацію сельского хозяйства, понимаемую тѣмъ самымъ уже не какъ механической актъ, а какъ длительный органической процессъ. Въ австрійской программѣ, болѣе другихъ сохранившей традиционную марксистскую фразеологию, эти конкретныя мѣропріятія представлены еще какъ «ближайшія требованія», тогда какъ «социализа-

ція» крупнаго лѣсо- и землевладѣнія называется уже «переходомъ къ социалистическому обществу строю». Однако, если присмотрѣться ближе къ этой слабой тѣни былого раздѣленія на программу - минимумъ и программу - максимумъ, то видно, что оба разряда требованій стоятъ въ сущности, на одномъ планѣ, взаимно дополняя и предполагая другъ друга. Такъ сельская жилищная политика предполагаетъ расширение приваждлежащей общинамъ земельной собственности въ результатѣ отчужденія частновладѣльческой земли. Съ другой стороны, это послѣднее совершенно утратило уже характеръ универсальной, всеспасительной мѣры, устлавливающей новый абстрактный и одиобразный видъ общественной собственности. Какъ указываетъ О. Бауэръ въ своемъ комментарий (II, 148 сл.), оно въ сущности не выходитъ за предѣлы тѣхъ аграрныхъ реформъ, которыя объявлены или даже проведены уже въ рядѣ государствъ послѣ войны. Отчужденію подлежитъ только крупное помѣщичье и церковное лѣсо- и землевладѣніе. Крестьянинъ (повидимому даже крупный) остается собственникомъ своей земли, и О. Бауэръ говоритъ, что въ этомъ отношеніи новая аграрная программа «рѣшительно порвѣла съ возрѣніемъ стараго социализма» (II, 176). «Крестьянинъ существовалъ до феодальнаго общества. Онъ жилъ при феодальномъ обществѣ и живетъ въ обществѣ капиталистическомъ. Также и въ рамкахъ социалистическаго общества крестьяне будутъ жить на своей зем-

лѣ какъ свободные владѣльцы. Однако, какъ и всякій общественный строй до него, и социалистическій общественный строй преобразуетъ какъ правовыя отношенія, такъ и хозяйственныя условія существованія крестьянскаго землевладѣнія» (I, 22 сл.). Хотя вопросъ о вознагражденіи въ программѣ оставленъ открытымъ, официальный комментарий О. Бауэра высказывается определенно за «справедливое вознагражденіе» съ погашеніемъ долговыхъ обязательствъ государствомъ и общинами въ теченіе 30-40 лѣтъ изъ доходовъ съ предоставленныхъ имъ земель. Чтобы возможно понизить вознагражденіе, реформа должна быть подготовлена цѣлой системой мѣръ, имѣющихъ своимъ слѣдствіемъ пониженіе цѣны на землю (отмѣна правъ охоты крупныхъ землевладѣльцевъ, охрана арендаторовъ, охрана и страхование сельскихъ рабочихъ, прогрессивный земельный налогъ). Что касается использованія обращеннаго въ государственную собственность земельного фонда, то лѣсное хозяйство организуется автономно подъ управленіемъ особаго самостоятельнаго вѣдомства, органы котораго — какъ центральные, такъ и мѣстные — состояются изъ представителей государства («союза»), а также занятыхъ въ лѣсномъ хозяйствѣ рабочихъ и служащихъ, съ одной стороны, и крестьянства, съ другой. Земледѣльческій же фондъ используется разнообразно въ зависимости отъ конкретныхъ условій: часть земель предоставляется въ собственность общинамъ, какъ основа общинной социальной полити-

ки (постройка жилищъ для с.-хоз. рабочихъ, расширеніе общинныхъ луговъ и т. п.); другая часть предоставляется въ аренду (преимущественно наследственную) малоземельнымъ крестьянамъ и мѣстнымъ с.-хоз. рабочимъ; крупныя помѣстья, на которыхъ до сихъ поръ велись или могутъ быть организованы образцовыя хозяйства по типу крупнаго производства, предоставляются во владѣніе подъ контролемъ государства с.-хоз. учебнымъ заведеніямъ и опытнымъ станціямъ (государственнымъ, земскимъ и общиннымъ), крупнымъ городскимъ общинамъ, потребительскимъ обществамъ, производственнымъ кооперативамъ с.-хоз. рабочихъ или даже — тамъ, гдѣ организациа такого рода хозяйствъ оказалась бы экономически преждевременной — предоставляются въ аренду отдѣльнымъ «опытнымъ сельскимъ хозяевамъ». Признавая техническое преимущество крупнаго производства и въ сельскомъ хозяйствѣ (II, 175), австрійская программа однако далека отъ однообразнаго и догматическаго рѣшенія вопроса: замѣна арендаторовъ общественными хозяйствами мыслится ею обусловленной экономической выгодностью этой послѣдней формы производства. Впрочемъ и всѣ разнообразныя коллективные пользователи земельного фонда являются юридически, повидимому, тѣми же арендаторами, поскольку они должны будутъ уплачивать изъ своего дохода прибыль за вложенный въ землю и инвентарь хозяйства капиталъ его собственнику — государству, и поскольку земельная рента, «будучи продуктомъ об-

щественнаго прогресса, работы всего народа въ цѣломъ» (II, 168), должна, по общему правилу, поступать въ распоряженіе представляющаго это цѣлое государства. Поскольку, съ одной стороны, арендная плата, взимаемая за пользованіе землей физическими и юридическими лицами, не должна превышать земельной ренты и прибыли на капиталъ, а, съ другой стороны, частная земельная собственность крестьянъ облагается единымъ земельнымъ налогомъ, не должнствующимъ превышать земельной ренты (согласно требованію движенія «земельной реформы», II, 90 сл.), достигается экономическое уравненіе въ землепользованіи при сохраненіи чрезвычайнаго разнообразія правовыхъ формъ владѣнія землей.

Такъ же конкретно мыслить проведеніе аграрной реформы и англійская и германская программы, несмотря на то, что проблема отчужденія частно - владѣтельской земли въ первой изъ нихъ стоитъ на первомъ планѣ, во второй же отступаетъ по значенію своему передъ другими мѣропріятіями и даже получаетъ скромное названіе «земельной реформы» (Bodenreform). Британская программа исходитъ изъ факта распространенной сейчасъ въ Англій системы аренды земли земледѣльцами (tenancy) у немногихъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ (landlords). Экономическая функція послѣдняго искони заключалась въ томъ, чтобы снабжать сдаваемые имъ въ аренду хозяйства необходимымъ для земледѣлія капиталомъ. Эту свою функцію лэндлордъ давно

уже пересталъ выполнять, откуда изъ года въ годъ возрастающее оскудѣніе капитальнаго оборудованія сельскаго хозяйства. Къ тому же въ настоящее время, съ развитіемъ новой техники земледѣлія, затраты капитала на земледѣліе настолько возросли, что земельный собственникъ и не въ состояніи выполнять этой своей естественной функціи. Государство же не можетъ взять на себя снабженіе земледѣльческихъ хозяйствъ капиталомъ, потому что при нынѣшней системѣ крупнаго землевладѣнія всякія затраты государства на земледѣліе (въ видѣ ли меліораций, снабженія хозяйствъ капиталомъ или даже организаціи опытныхъ станцій) въ значительной части перейдутъ въ карманы лэндлордовъ. Между тѣмъ сдѣяни въ міровомъ хозяйствѣ послѣдняго времени (развитіе своей промышленности въ колониальныхъ странахъ, вызванное этимъ сокращеніе англійской промышленности и, какъ слѣдствіе этого, безработица) ставятъ англійское хозяйство передъ необходимостью во что бы то ни стало поднять собственное производство сельско - хозяйственныхъ продуктовъ. Отсюда жизненная необходимость отказа отъ нынѣ дѣйствующей системы въ пользу системы «общественной собственности на землю» (public ownership of land). Въ виду остроты вопроса отчужденіе земли должно быть проведено въ возможно болѣе короткій срокъ, разумѣется, за вознагражденіе на основѣ годового дохода земельного участка, соответственно уменьшеннаго въ случаѣ невыполненія собственникомъ участка

его функции надлежащего капитального оборудования, сдаваемого въ аренду хозяйства (III, 6). Что касается мелкой земельной собственности (преимущественно въ полугородскихъ участкахъ), то она останется незатронутой общимъ закономъ, поскольку сами собственники не предпочтутъ перемѣнить собственность на наследственную аренду, чтобы на выкупныя деньги увеличить капитальное оборудование своего земельного участка. Земельныя облигации, выпущенныя для этой цѣли государствомъ, будутъ допущены къ обращенію на биржѣ и будутъ погашаться ежегодно изъ особаго фонда, образуемаго изъ земельной ренты. Такимъ образомъ вся операція не потребуетъ увеличенія реального долга государства. Что касается использованія общественнаго земельного фонда, то аренда земли отдѣльными фермерами съ «сохраненіемъ дѣйствующихъ договоровъ, обычаевъ и условий», еще «долго останется нормальнымъ методомъ землепользованія и земледѣлія». Отъ мѣстныхъ обстоятельствъ будетъ зависеть конкретная политика завѣдывающихъ земельнымъ фондомъ земскихъ с.-хоз. комитетовъ (County Agricultural Committees). «Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть признано болѣе выгоднымъ продолжать систему аренды фермерами или даже систему мелкой собственности (small holdings); въ иныхъ случаяхъ учредить общественныя компаніи (public utility companies) или формы коллективнаго или кооперативнаго землепользованія (farming) для обработки крупныхъ

участковъ земли; въ иныхъ случаяхъ, гдѣ это будетъ признано соответствующимъ мѣстнымъ условіямъ, сами комитеты могутъ непосредственно организовать обработку земли». Что касается с.-хоз. комитетовъ, къ которымъ переходитъ завѣдываніе «общественнымъ земельнымъ фондомъ», то мѣстные земельныя комитеты (графствъ) должны состоять изъ: «а) равнаго числа представителей фермеровъ и с.-хоз. рабочихъ, избранныхъ соответственными организациями, и б) членовъ, назначенныхъ министромъ земледѣлія изъ числа лицъ, известныхъ своими знаніями и опытомъ, по представленію мѣстныхъ органовъ самоуправленія (совѣтовъ графствъ) и другихъ организаций, включая мелкихъ земельныхъ собственниковъ, при чемъ эта вторая секція комитетовъ должна составлять въ нихъ большинство». По типу этой второй секціи образуется изъ квалифицированныхъ специалистовъ и подчиненная м-ру земледѣлія Національная комиссія по земледѣлію, имѣющая своей задачей уже не непосредственное завѣдываніе земельнымъ фондомъ, а выработку общихъ мѣропріятій, направленныхъ къ поддержанію и развитію сельс.-хоз. производства. Съ особенной настойчивостью подчеркиваетъ при этомъ англійская программа, что предлагаемое ею «общественное землепользованіе» имѣетъ своей задачей «обезпечить наиболѣе полное использованіе земли обществомъ и въ интересахъ всего общественнаго блага при помощи наиболѣе экономическихъ и дѣйствительныхъ средствъ». Только при общественной собст-

венности на землю государство сможет предпринять активные шаги для содѣйствія сельскому хозяйству посредствомъ инвестирования адекватнаго потребности капитала, поощренія изслѣдовательской работы и инициативы, хотя въ послѣднемъ счетѣ послѣдняя отвѣтственность должна лежать на самихъ земледѣльцахъ, которые, какъ слѣдуетъ надѣяться, будутъ исполнены въ нужной мѣрѣ духомъ призванія и общественной ответственности («there will be pride of calling and public spirit»). (III, 6 — 8).

Германская программа, въ отличіе отъ австрійской, особенно подчеркиваетъ, что форма крупнаго производства не обладаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ тѣмъ превосходствомъ, которое свойственно ей въ промышленности. Напротивъ, «мелкое производство, особенно въ формѣ крестьянскаго семейнаго предпріятія, обладаетъ рядомъ преимуществъ по сравненію съ крупнымъ производствомъ» (IV, 4). Этотъ взглядъ и лежитъ въ основѣ требуемой ею «земельной реформы», которая должна не только исправить историческую несправедливость крупнаго землевладѣнія, согнавшаго, пользуясь своей чисто политической силой, массы крестьянства съ обрабатывавшейся имъ земли, но и увеличить въ интересахъ всего народнаго хозяйства въ цѣломъ емкость сельскаго хозяйства, какъ рынка труда. Для германской программы «земельная реформа» есть поэтому прежде всего составная часть переселенческой и землеустроительной политики, которая и въ настоящее время подъ давленіемъ

тяжкой необходимости, но безъ широкаго плана и нехотя ведется правительствомъ, односторонне защищающимъ узкіе классовые интересы помѣщичьяго класса въ ущербъ цѣлому народнаго хозяйства (IV, 14 сл., 42 сл.). Программа требуетъ, во-первыхъ, «не только формальнаго, но и фактическаго уничтоженія фидеикомиссовъ и другихъ правовыхъ пережитковъ, содѣйствующихъ сосредоточенію земли въ отдѣльныхъ ссмыяхъ», и, во-вторыхъ, отчужденія «сельско-хозяйственнаго крупнаго землевладѣнія, превышающаго устанавливаемую соответственно мѣстнымъ условіямъ экономически — оптимальную норму (въ восточной части Германіи равную приблизительно 750 (!) гектарамъ), въ публичную собственность (въ собственность «имперіи» и «земель»)». Что касается лѣсной площади, остающейся въ рукахъ частныхъ собственниковъ, то она не должна превышать 100 гектаровъ. Вознагражденіе за отчуждаемую землю исчисляется согласно ея обремененной налоговой цѣнности. Отчуждаемая земля должна быть использована въ цѣляхъ планомѣрной переселенческой политики съ преимущественнымъ правомъ на заселеніе ея

*) Впрочемъ, не всѣ существующія крупныя хозяйства подлежатъ раздѣлу. «Мы будемъ и въ будущемъ нуждаться въ значительномъ числѣ крупныхъ хозяйствъ, т. к. новыя техническія усовершенствованія скорѣе всего могутъ быть испробованы въ сельскомъ хозяйствѣ именно въ крупныхъ предпріятіяхъ» (IV, 42).

мѣстнаго избыточнаго крестьянскаго населенія и мѣстнаго с.-хоз. пролетаріата. При заселеніи должно быть обращено вниманіе на созданіе экономической сильныхъ крестьянскихъ хозяйствъ при использовании «правовыхъ формъ наследственной аренды, права застройки и другихъ аналогичныхъ формъ (Rentengut, Reichshemstätte), въ цѣляхъ обезпеченія поступленія земельной ренты въ пользу всего общества» (IV, 93). Кроме того программа требуетъ изданія, какъ составной части Гражданскаго, Уложенія, новаго окончательнаго кодекса аренднаго права, «въ надлежащей степени обезпечивающаго интересы мелкихъ и среднихъ арендаторовъ», планомѣрнаго расширенія земельной собственности имперіи, земель, общинъ и союзовъ общинъ, дѣйствительнаго контроля государства надъ частнымъ лѣсовладѣніемъ и права воздѣйствія государства (вплоть до отчужденія земли за вознагражденіе) на тѣхъ земельныхъ собственниковъ, «которые упорно сопротивляются правильной обработкѣ своей земли, культивированію доступныхъ обработкѣ пустошей и лѣсонасажденію». Отдѣлъ «земельной реформы» дополняется въ программѣ отдѣломъ реформы «земельнаго обложенія» (IV отдѣлъ программы), которая, какъ и въ австрійской программѣ, имѣетъ своей задачей замѣну всѣхъ налоговъ на землю единымъ поземельнымъ налогомъ, «исчисляемымъ согласно цѣнности голой земли за вычетомъ цѣнности инвентаря, зданій и меліораций». Тѣмъ самымъ, съ одной стороны, возможно будетъ «облегчить налого-

вое обложеніе трудового дохода черезъ послѣдовательное повышеніе свободнаго отъ обложенія прожиточнаго минимума» (IV, 68), а, съ другой, обезпечить поступленіе земельной ренты въ пользу общества, совокупный трудъ котораго есть тотъ факторъ, коему она должна быть выѣнана.

Сравнивая всѣ три программы земельной реформы, мы видимъ, что между ними имѣются весьма существенныя различія: если англійская программа, требуя практически націонализаціи всей земли, вышине неожиданнымъ образомъ ближе всего подходитъ къ традиціи довоеннаго социализма, то германская программа, напротивъ, ограничивается въ вопросѣ земельной собственности только «отчужденіемъ земельныхъ латифундій», опредѣленно требуя въ отношеніи къ крестьянской земельной собственности ея укрѣпленія и упроченія (IV, 18 сл.). Съ другой стороны, она отличается и отъ австрійской своимъ утвержденіемъ превосходства въ сельскомъ хозяйствѣ средняго производства надъ крупнымъ. И все же, несмотря на эти различія, объясняемая конкретнымъ характеромъ программъ, примѣняющихся къ особымъ условіямъ хозяйственной жизни каждаго отдѣльнаго государства, всѣ они совпадаютъ въ основномъ: они всѣ понимаютъ социализацію не какъ механическую перемѣну субъектовъ собственности. Эта послѣдняя, въ видѣ «земельной реформы», есть, правда, необходимая предпосылка социализаціи. Но она отнюдь не разрѣшаетъ всей проблемы послѣдней. Она отнюдь не ставитъ

на мѣсто абстрактной, однородной капиталистической собственности такую же однородную и абстрактную, уравнительную собственность «общества» или «государства». Напротивъ, разнообразіе формъ собственности и землепользованія екорѣ возрастетъ, чѣмъ уменьшится, какъ возрастетъ вообще общественная дифференціация въ обществѣ будущаго. Если подъ классомъ понимать, согласно классической марксистской традиціи, общественную группу, опредѣляемую своимъ особымъ мѣстомъ въ процессѣ производства (прежде всего отношеніями собственности на факторы производства), то, согласно смыслу и буквѣ всѣхъ трехъ новыхъ программъ, въ сельскомъ хозяйствѣ будущаго социалистическаго общества будетъ чрезвычайное разнообразіе классовъ: крестьяне-собственники, крестьяне - арендаторы разнообразныхъ типовъ, наемные рабочіе въ частныхъ хозяйствахъ, наемные рабочіе въ государственныхъ и разнообразныхъ общественныхъ хозяйствахъ и т. д.*). Австрійская программа прямо говоритъ о сохраненіи въ социалистическомъ строѣ крестьянина какъ собственника своей земли, а германская программа допускаетъ даже, какъ мы видѣли, сохраненіе частныхъ образцовыхъ крупныхъ помѣстьевъ. Уничтоженіе классовой эксплуатаціи и борьбы, конечно, по прежнему мыслится задачей социалистическаго общества. Но оно достигается уже не уничтоженіемъ социальной дифференціаціи черезъ по-

глощеніе однимъ классомъ (пролетариатомъ) всѣхъ другихъ, а скорѣе напротивъ черезъ усиленіе общественнаго разслоенія, черезъ заповненіе рядомъ новыхъ, постепенно другъ въ друга переходящихъ формъ социальнаго бытія той пролести, которая, въ наиболѣе соответствующую марксистской характеристикѣ эпоху капитализма, раздѣляла между собою на два непримиримыхъ лагеря классъ капиталистовъ и классъ пролетариата. Безспорно, социалистическое общество, какъ его мыслятъ новыя аграрныя программы, есть, по сразненію съ капиталистическимъ строемъ, общество равныхъ. Но уравненіе личнаго дохода, которое въ немъ имѣетъ мѣсто, есть лишь обратная сторона чрезвычайнаго разнообразія формъ добыванія дохода, оставляющихъ просторъ и традиціи и предпримчивости. Отсюда вполне понятно, что всѣ три аграрныя программы носятъ уже не классовый, а общенародный характеръ, имѣютъ въ виду интересы не того или иного класса, а народнаго хозяйства въ цѣломъ. Это начинаютъ все болѣе сознавать и объ нѣмецкія социалистическія партіи, слѣдуя примѣру англійской рабочей партіи, всегда считавшей себя партіей общенациональной. Во вступительномъ абзацѣ пресекта объяснительной записки къ германской программѣ стояло даже заявленіе: «социал-демократія есть менѣе всего классовая партія» (ist alles andere als eine Klassenpartei). Если въ опубликованномъ текстѣ слова эти подтвердились смягченію (ist keineswegs lediglich eine Partei der industriellen Arbeiterklasse).

*) Срв. мою статью въ № 33 «Совр. Зап.», стр. 511-512.

то очевидно только для того, чтобы не слишком раздражать марксистских гусей, а отнюдь не потому, чтобы они не соответствовали содержанию программы.

3.

Это особенно явствует из второй группы мероприятий, выдвигаемой всеми программами на первый план, но особенно систематично и глубоко разработанной в германской программе. Это — мероприятия, направленные к «поднятию производительности сельского хозяйства». Сюда относятся: 1) развитие общего и специального образования крестьянства и с. - хоз. рабочих, настоятельная необходимость в котором вызывается той технической революцией, которая произведена в земледелии за последнее время введением в него методов искусственного удобрения; 2) развитие широкой сети опытных станций и научно - исследовательских институтов сельского хозяйства; 3) общий подъем условий культурной жизни сельского населения и в связи с этим децентрализация промышленности (все эти мероприятия особенно подробно разработаны в английской и германской программах); 4) развитие путей сообщения в интересах сельского хозяйства; 5) содействие производственной крестьянской кооперации (молочных, скотоводческих, сменных, машинных и пр. товариществ) и кредитным товариществам; переход частных сельско - хозяйственных кредитных учреждений в собственность государства земельн. общин или преобразова-

ние их по типу кооперативных товариществ; соединение кредита с производственной консультацией; 6) активное воздействие органов государства и земского самоуправления в тех случаях, где личная инициатива землевладельцев оказывается недостаточной (принудительная мелiorация, уничтожение черезполосицы, лесонасаждение, регулирование водоснабжения и т. д., на чем особенно подробно останавливаются австрийская и германская программы); 7) электрификация деревни и другие аналогичные мероприятия. Германская программа присоединяет сюда также требование переустройства на демократических началах сельско - хозяйственных самоуправляющихся палат, через привлечение к участию в них мелких и средних землевладельцев и с. - хоз. рабочих и служащих, и подробно останавливается также на реорганизации производства с. - хозяйственных орудий производства и торговли ими, в особенности средств искусственного удобрения. Государство должно установить свой контроль над ценами этого важнейшего сырья орудия с. - хоз. производства в целях его максимального удешевления, так же как и контроль над торговлей сменами и сельско - хоз. машинами, пока задачу эту не смогут вполне перенять на себя кооперативные товарищества. Стандартизация производства здесь есть в полной мере требование и сельского хозяйства и промышленности. В виду того, что эта отрасль промышленности (производство азота, калия, суперфосфатов и с.

хоз. машинъ) въ Германіи совершенно трестирована и приобрѣла монополюный характеръ, германская программа считаетъ ее «созрѣвшей для социализации», понимая впрочемъ подъ послѣдней не простое огосударствленіе, а превращеніе ея въ автономно управляемое подъ контролемъ государства и заинтересованныхъ организаций потребителей ея продуктовъ общество (IV, 59 сл.).

Конкретный и національный характеръ всѣхъ этихъ мѣропріятій съ особенной настойчивостью подчеркивается англійской и германской программами. «Аграрный вопросъ есть въ первую очередь вопросъ хлѣба и труда (т. е. увеличения с. - хоз. производства и емкости рынка труда), а не вопросъ теоретическихъ разсужденій о мнимыхъ тенденціяхъ развитія (мелкой или крупной формы производства), такъ же какъ и не вопросъ простой (классовой) агитации», говоритъ германская программа (IV, 18). Вызванный экономической эмансипаціей колоніальныхъ странъ отъ ихъ европейской метрополии сдвигъ въ мировомъ хозяйствѣ ставитъ промышленныя страны Европы передъ настоятельной и срочной необходимостью во что бы то ни стало поднять производительность своего сельскаго хозяйства. «Во всѣхъ европейскихъ странахъ мѣстисе сельское хозяйство приобрѣло сейчасъ въ отношеніи прокормленія и обезпеченія трудомъ промышленнаго населенія совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ оно имѣло хотя бы во второй половинѣ прошлаго столѣтія» (IV, 19). «Сама сила вещей заставяетъ сейчасъ европейское рабочее дви-

женіе направлять взоръ свой на европейское сельское хозяйство. И счастьемъ для всей европейской культуры является то, что въ сельскомъ хозяйствѣ всѣхъ европейскихъ странъ сокрыты еще громадныя резервы производства средствъ пропитанія и сбыта продуктовъ промышленности. Быть можетъ, резервы эти предназначены сыграть для развитія европейскаго благосостоянія въ XX вѣкѣ роль, подобную той, какую имѣла для него въ XIX столѣтіи разработка плодородныхъ земель заокеанскихъ странъ» (IV, 22). Интересы рабочаго класса, заинтересованнаго въ сбытѣ продуктовъ промышленности, и крестьянства и с.-х. пролетаріата, заинтересованныхъ въ сбытѣ продуктовъ питанія, въ настоящее время въ существѣ своемъ совпадаютъ. Въ противоположность буржуазнымъ аграрнымъ партіямъ, настаивающимъ на борьбѣ классовыхъ интересовъ города и деревни, социалистическія партіи пунѣ напротивъ подчеркиваютъ подлинный тѣоретическій «единый фронтъ» рабочихъ и крестьянъ. Уничтоженіе классовой борьбы, которое и довоенный социализмъ ставилъ своей послѣдней цѣлью, мыслится ими уже опредѣленно (этотъ мотивъ особенно настойчиво проводится въ германской программѣ) не какъ потенцированіе классовой борьбы до гражданской войны, въ которой она диалектически уничтожается, переключаясь въ абсолютно гармоническій общественный порядокъ, а какъ возвышеніе государственной власти надъ узкими классовыми интересами отдѣльныхъ социальныхъ группъ, преслѣдованіе ею гармо-

нических между ними интересов, совпадающих с общим интересом народного хозяйства в целом.

4.

Особенно ярко отразился этот народно - социалистический характер новых программ в третьей группе мероприятий, касающихся сбыта сельско - хозяйственных продуктов и имеющих своей целью реорганизацию с.-х. рынка. Классовое «аграрное» решение вопроса — это ввозные пошлины на сельско - хозяйственные продукты, оправдываемая необходимостью удерживать цены на них на уровне, обеспечивающем дальнейшее развитие местного сельского хозяйства. Но, как подробно показывает Отто Бауэр в своем комментарии к программѣ (II, 36 сл.), ввозные пошлины разрешают эту национальную задачу чисто классовым образом, несправедливо возлагая на одну часть населения, на городского потребителя, жертвы, не вытекающие из существа задачи. В 1924 году, разсуждает онъ, в Австрии было потреблено свыше 6.900.000 центнеров пшеницы, из которых одна треть была продуктом местного урожая, а 2/3 были ввезены из-за границы. При предположении ввозной пошлины в 3 шиллинга на центнер потребители должны были переплатить свыше 20.700.000 шиллингов на ценѣ пшеницы по сравнению с ценами мирового рынка. Из этой суммы однако только 1/3 (около 7.000.000 шил.) пошла в пользу сельских хозяйств, а 2/3 пошли в казну в ви-

дѣ замаскированного налога, односторонне возложенного на городское, в большей своей части рабочее население. Гораздо целесообразнее, без этой дополнительной жертвы на один класс населения, разрешает ту же задачу ограждения местного сельского хозяйства монополия внешней хлебной торговли, организованная в видѣ автономного, под контролем государства работающего общества.

Все три программы подчеркивают, что требуемая ими монополия внешней хлебной торговли ничего общего не имеет с принудительным хозяйством военного времени. Она оставляет совершенно неприкосновенной свободу внутренней торговли. Организация ее мыслится не в видѣ бюрократически управляемого государственного ведомства, а в видѣ автономного общества («business corporation», по терминологии английской программы, III, 21). Правление его, согласно английской программѣ, должно состоять из лиц, взятых из делового мира (private business) и известных своими специальными познаниями в области хлебной торговли, с включением в него представителей с.-х. и потребительских кооперативных организаций. Правление гарантируется казначейством с согласия парламента и под контролем ответственного перед парламентом министра земледелия необходимый для ведения операций общества капитал. Нѣсколько иначе, но аналогично представляет себя организацию монополия общества и австрийская программа, согласно которой правление по-

сѣдняго составляетъ изъ представителей сельскихъ хозяевъ, потребительскихъ кооперативовъ и государства («союза», I, 10).

Однако, монополія внѣшней хлѣбной торговли имѣетъ по сравненію съ ввозными пошлинами еще одно существенное преимущество. Оградя мѣстное производство отъ заокеанской конкуренціи, пошлины совершенно безсилны оградить сельское хозяйство отъ тѣхъ періодическихъ колебаній мировыхъ цѣнъ на с.-хоз. продукты (особенно пшеницу, картофель и мясо), которые составляютъ главную язву современнаго сельскаго хозяйства. Съ рѣдкой наглядностью показываютъ англійская и германская программы, какъ тяжело отражаются эти обусловленные естественными условіями производственнаго процесса колебанія цѣнъ одинаково на интересахъ производителей и потребителей, доставляя выгоду только небольшому слою играющихъ на повышеніи и пониженіи цѣнъ хлѣбныхъ спекулянтовъ. Тогда какъ въ промышленности цѣны на главные продукты масовитаго потребленія — благодаря организаціи соответствующихъ отраслей промышленности — давно уже приобрѣли устойчивый характеръ, въ сельскомъ хозяйствѣ они иногда въ теченіе двухъ лѣтъ падаютъ вдвое, послѣ чего слѣдуетъ опять новый быстрый ростъ цѣнъ*). «Ни одинъ промышленникъ не рискнулъ бы въ настоящее время вести угольную шахту.

*) Германская программа иллюстрируетъ это сравненіемъ цѣнъ за рядъ лѣтъ четырехъ главныхъ продуктовъ промышленности — калия, азота, желѣза, угля, съ од-

литейный заводъ или химическую фабрику подъ давленіемъ такой «капиталистической анархіи», которая господствуетъ еще сейчасъ на сельско-хозяйственномъ рынкѣ». «Вся современная хозяйственная жизнь стоитъ подъ знакомъ организаціи, всюду слѣпая игра спекуляціи все болѣе и болѣе замѣняется планомѣрной организаціей рынка и цѣнъ, и самая глубокая причина тяжелаго состоянія сельскаго хозяйства заключается именно въ томъ, что рынки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ представляютъ собою послѣдніе острова «капиталистической анархіи» въ мірѣ хозяйства, все сильнѣе и сильнѣе вступающаго въ новыя формы организованнаго и плановаго хозяйства, въ послѣднемъ счетѣ въ социализмъ». «Современная хозяйственная жизнь до того усложнилась, стала для отдѣльнаго хозяйствующаго субъекта до того трудной, что удержаться въ борьбѣ можетъ лишь тотъ, кто получаетъ за свои продукты, т. е. за свой трудъ и издержки производства болѣе или менѣе устойчивыя цѣны». Но обезпечить сельскому хозяину достаточныя и одновременно устойчивыя цѣны можетъ монополія внѣшней торговли с.-хоз. продуктами, а не система ввозныхъ пошлинъ. Разумѣется, эту свою задачу она будетъ разрѣшать не только путемъ централизаціи внѣшней купли и продажи, но и путемъ консервированія части урожая въ урожайные годы, стандартной сторсыи, и четырехъ главныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства — свинины, картофеля, пшеницы, ржи, съ другой (IV. 31).

дизаціи с. - хоз. продуктовъ и ихъ упаковки и рядомъ другихъ организующихъ с. - хоз. рынокъ мѣръ.

Организація с. - хоз. рынка, какъ се чисто практическими соображеніями обосновываютъ разбираемые нами программы, ничего общаго, конечно, не имѣетъ съ совѣтской системой внѣшней торговли, являющейся средствомъ фискальной и валютной политики государства и имѣющей задачей своей поддержку нерепабельной государственной промышленности за счетъ эксплуатируемаго ею крестьянства. Требованіе ея менѣе всего есть плодъ социалистическаго догматизма, почему и не удивительно, какъ это напоминаетъ Отто Бауэръ, что аналогичные проекты выставлялись и буржуазными экономистами, графомъ Каниномъ въ Германіи и нынѣшнимъ президентомъ австрійской республики М. Гайнрихомъ, не говоря о томъ, что въ Швейцаріи уже давно ввозъ зернового хлѣба объявленъ монополіей государства (II, 42 сл.). Впрочемъ организація с. - хоз. рынка не исчерпывается въ программахъ социалистическихъ партій учрежденіемъ монополіи внѣшней торговли. Проблема сбыта с. - хоз. продуктовъ есть проблема исключенія излишнихъ промежуточныхъ звеньевъ въ обмѣнѣ между производителями ихъ и потребителями. Рѣшеніе ея всѣ программы видятъ въ послѣднемъ счетѣ въ установленіи «непосредственнаго дѣлового оборота между кооперативными организаціями производителей и потребителей» (III, 17; IV, 29). Въ этомъ направленіи предстопитъ еще большая творческая

организационная работа, которой государство должно всячески содѣйствовать, но которая отнюдь не можетъ быть выполнена государствомъ. Когда процессъ этотъ будетъ завершенъ, и на мѣсто существующей нынѣ аппаріи сбыта с. - хоз. продуктовъ станетъ широко организованное регулированіе с. - хоз. рынка, основными формами котораго на ряду съ государствомъ будутъ національныя организаціи производителей и потребителей, можно будетъ говорить объ осуществленіи социализаціи сельскаго хозяйства. Эта послѣдняя отнюдь не означаетъ замѣны индивидуальныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ коллективными, но лишь освобожденіе ихъ отъ власти промышленнаго капитала, съ одной стороны, и торговаго капитала, съ другой. Какъ капитализмъ не вытѣснилъ крестьянина крупнымъ предпринимателемъ, а только вовлекъ крестьянство въ механизмъ капиталистическаго оборота, такъ и социализмъ означаетъ для сельскаго хозяйства вовлеченіе индивидуальнаго земледѣльческаго хозяйства, какъ потребителя, въ организованную крупную промышленность с. - хоз. орудій производства, съ одной стороны, и, какъ производителя, въ организованный съ помощью кооперативныхъ объединеній производителей и потребителей сбытъ с. - хоз. продуктовъ, съ другой.

Бокъ о бокъ съ освобожденіемъ крестьянскаго хозяйства отъ власти промышленнаго и торговаго капитала должно ити и освобожденіе его отъ власти ипотечнаго капитала. Австрійская программа, особенно подробно останавлива-

ющаяся на этой сторонѣ вопроса (въ примѣненіи къ особымъ условіямъ крестьянскаго землевладѣнія въ Австріи), предусматриваетъ цѣлую систему сюда относящихся мѣропріятій, отчасти уже упомянутыхъ мною въ другой связи: организація с. - хоз. кредита (государствомъ, общинами, въ формѣ кредитныхъ товариществъ), планомерная борьба съ поднятіемъ цѣнъ на землю черезъ уничтоженіе фиденкомиссовъ, передачу правъ охоты и рыбной ловли общинамъ и т. д. Сюда относится также организація обязательнаго страхованія отъ огня, града и другихъ стихійныхъ бѣдствій, страхованія отъ старости. Программа настаиваетъ на необходимости бороться съ многообразными эмпирическими причинами долгового переобремененія крестьянской земельной собственности, отрицая дѣйствительность такихъ чисто запретительныхъ мѣръ со стороны государства, какъ предложенный нынѣшнимъ президентомъ австрійской республики М. Гайнишемъ проектъ установленія «кадастровыхъ цѣнъ на землю», обязательныхъ, какъ высшій предѣлъ, при всякаго рода земельныхъ сдѣлкахъ (II, 55).

Однако, одна изъ самыхъ существенныхъ причинъ несоотвѣтствующаго росту земельной ренты повышенія цѣнъ на землю и ея долгового переобремененія заключается, по мнѣнію программы, въ боязни крестьянина передъ пролетарской жизнью въ городѣ. Поэтому то такъ цѣпляется онъ за землю, будучи готовъ платить за нее цѣну (въ случаѣ раздѣловъ и т. д.), значительно превышающую ея реальную цѣнность (ка-

питализированную доходность). И на этой проблемѣ опять австрійская программа подчеркиваетъ существенную гармонію интересовъ крестьянина и рабочаго. Улучшеніе условий жизни рабочаго класса въ городахъ идетъ не во вредъ крестьянину, какъ объ этомъ твердятъ ему реакціонно - буржуазныя партіи, а на пользу: оно въ большей степени даже чѣмъ уничтоженіе крупнаго землевладѣнія способно освободить крестьянское землевладѣніе отъ долговой переобремененности, притекающей отъ вздутія цѣнъ на землю, несоотвѣтствующаго ея реальной цѣнности. Съ другой стороны подходитъ къ той же проблемѣ и германская программа (IV, 26). Крестьянинъ - середнякъ уже потому заинтересованъ въ увеличеніи дохода рабочаго, что оно въ первую очередь вызываетъ повышенный спросъ на болѣе квалифицированные продукты, производимые (въ Германіи) именно крестьянскимъ хозяйствомъ: масло, сыръ, яйца, мясо, овощи, фрукты. Восточно - прусскій помѣщикъ, производящій исключительно рожь и картофель, т. е. продукты, которые все равно будутъ покупаться рабочимъ, живущимъ даже на грани прожиточнаго минимума, не заинтересованъ въ поднятіи покупательной силы рабочаго населенія. Съ другой стороны онъ боится, что завоеванія городского пролетаріата отразятся на самосознаніи и сельскаго пролетаріата. Отсюда его чисто классовая вражда къ профессиональному и политическому движенію рабочаго класса. Крестьянинъ напротивъ заинтересованъ въ интенсификаціи своего хозяйства, въ

переходъ къ производству болѣе квалифицированныхъ продуктовъ, сбытъ которыхъ находится въ прямой зависимости отъ улучшенія условий существованія массоваго городского населенія.

5.

Положенію сельско - хозяйственнаго, а также льсо - промышленнаго пролетаріата всѣ три программы отводить особый подробно разработанный отдѣлъ. И здѣсь основной предпосылкой всѣхъ требуемыхъ мѣропріятій является убѣжденіе въ томъ, что классовой интересъ сельскаго пролетаріата совпадаетъ съ интересомъ сельскаго хозяйства въ цѣломъ. «Какъ въ промышленности увеличенію производительности самымъ дѣйствительнымъ образомъ содѣйствовала успѣшная борьба рабочаго класса за улучшеніе условий его заработной платы и труда и за поднятіе его общаго культурнаго состоянія, такъ и въ сельскомъ хозяйствѣ профессиональная борьба рабочихъ есть самое дѣйствительное средство для того, чтобы добиться увеличенія его производительности» (IV, 70). Соответственно этому требованія программъ направлены на то, чтобы устранить тягостную зависимость сельско - хоз. рабочихъ отъ ихъ работодателей, въ которой они находятся при нынѣшней системѣ труда, въ особенности въ силу системы т. наз. рабочихъ жилищъ. Въ социально-политическомъ отношеніи с.-хоз. пролетаріатъ долженъ быть уравненъ съ промышленнымъ. Ему долженъ быть по возможности опять предоставленъ свободный

доступъ къ землѣ, какъ для постройки самостоятельнаго жилища (въ формѣ права застройки), такъ и, въ случаѣ способности къ тому и желанія, для пріобрѣтенія самостоятельнаго мелкаго крестьянскаго хозяйства (въ формѣ аренды). Особенно подробно разработать и со своей финансовой стороны планъ постройки самостоятельныхъ жилищъ (cottages) для сельско - хоз. рабочихъ въ англійской программѣ (III, 12 сл.). Къ этому основному условию освобожденія сельскаго пролетаріата (въ соз. Россіи казарменная обстановка жилищъ при мѣстѣ работы считается, наоборотъ, чуть ли не квинт - эссенціей коммунистическаго строя даже для промышленныхъ рабочихъ) присоединяется рядъ другихъ мѣропріятій, имѣющихъ своей задачей распространить на сельскій пролетаріатъ тѣ основныя положенія рабочаго права, которыми уже пользуются въ настоящее время промышленные рабочіе. Сюда относятся: регулировка заработной платы, рабочаго времени, воскреснаго отдыха путемъ коллективныхъ трудовыхъ договоровъ, свобода профессиональныхъ объединеній, обезпеченіе дополнительнаго профессиональнаго образованія молодежи, государственная инспекція условий труда, организація обязательныхъ биржъ труда съ паритетнымъ участіемъ работодателей и представителей проф. союзовъ, социальное страхование, охрана работницъ, организація социальной помощи, вѣтшкольнаго образованія, сельскихъ клубовъ и т. д. съ распространениемъ всѣхъ этихъ мѣропріятій также и на иностранныхъ сезон-

ныхъ рабочихъ. При этомъ, разумѣется, принимаются во вниманіе особенности сельско - хоз. труда (напр., при рѣшеніи вопроса о продолжительности рабочаго дня въ горячее сезонное время).

Всѣ три программы проникнуты стремленіемъ ввести классовую борьбу въ правовыя рамки. Уничтоженіе классовой борьбы въ сельскомъ хозяйствѣ мыслится опредѣленно не какъ уничтоженіе сельско - хоз. рабочаго (народническая уравнительно - трудовая норма) или какъ превращеніе всего сельскаго населенія въ рабочій классъ (марксистское коллективное хоз.), а какъ такое провозглашеніе отношеній найма труда правомъ, при которомъ классовая борьба перерождается въ судебный споръ. Въ этомъ отношеніи особенно характерна австрійская программа, несмотря на то, что именно она болѣе всего выплачиваетъ дань марксистской фразеологій. «Именно для сельскаго хозяйства, пишетъ Отто Бауэръ, созданіе примирительныхъ камеръ (Einigungsämter), имѣющихъ право придавать коллективнымъ трудовымъ договорамъ силу обязательныхъ нормъ (erklären zu Satzungen), имѣло бы самое большое значеніе... Камеры эти могли бы играть посредническую роль прежде всего при заключеніи коллективныхъ договоровъ, а затѣмъ и при конфликтахъ, возникающихъ изъ коллективныхъ договоровъ между проф. союзами и союзами работодателей, и тѣмъ самымъ предотвращать крупныя столкновенія на почвѣ заработной платы; уже эта ихъ функція имѣла бы для сельскаго хозяйства особенно важное

значеніе, ибо здѣсь каждый перерывъ въ работѣ можетъ оказываться гибельнымъ для посѣва, жатвы, скота. Еще большее значеніе, однако, имѣло бы для сельскаго хозяйства предоставленіе примирительнымъ камерамъ права придавать коллективнымъ договорамъ силу обязательныхъ нормъ. Сельскіе рабочіе распределены между многими крестьянскими хозяйствами, сельскіе рабочіе и крестьяне гораздо слабѣе организованы, чѣмъ рабочіе и предприниматели промышленности... При такихъ условіяхъ только возможность придавать коллективнымъ договорамъ силу обязательныхъ нормъ можетъ распространить ихъ дѣйствіе на всѣ крестьянскія хозяйства данной области» (II, 105 сл.). Самая организація примирительныхъ камеръ мыслится при этомъ программой на паритетныхъ началахъ съ участіемъ представителя государства.

Къ этой же группѣ мѣропріятій слѣдуетъ, наконецъ, отнести и выдѣленный въ германской программѣ въ особый отдѣлъ (VI) рядъ требованій, относящихся къ «**крестьянской социальной политикѣ**». Они имѣютъ въ виду распространеніе на мелкаго крестьянина (собственника или арендатора) благъ страхованія отъ болѣзни, организацію медицинской помощи, бесплатной перевозки больныхъ въ больницы, организацію бесплатныхъ юридическихъ консультаций и т. п. Сюда же германская программа относитъ и страхованіе отъ огня, града и падежа скота и рядъ другихъ аналогичныхъ мѣропріятій, затронутыхъ уже выше въ связи съ проблемой освобожденія мелкаго крестьян-

ства отъ его зависимости отъ шотландскаго капитала.

6.

Я такъ подробно остановился на характеристикѣ трехъ аграрныхъ социалистическихъ программъ не только потому, что они прошли совершенно незамѣченными какъ въ русской буржуазной, такъ и въ русской официально - партийной социалистической печати, но и для того, чтобы дать представление объ ихъ конкретно-практическомъ характерѣ. Въ этихъ программахъ въ особенности современный социализмъ перешелъ отъ абстрактно универсальнаго понятія собственности къ конкретному пониманію собственности, мыслимой имъ во всемъ многообразіи ея отдѣльныхъ юридическихъ формъ. Можно сказать, что абстрактное пониманіе собственности осталось теперь удѣломъ буржуазныхъ партій, продолжающихъ все еще говорить въ чисто отвлеченныхъ терминахъ о безусловной частной собственности индивидуальнаго хозяина, какъ о всеспасительной правовой формѣ хозяйственной жизни, несмотря на то, что форма эта давно уже перестала соответствовать многообразной реальной действительности современнаго права и хозяйства. Именно это конкретное пониманіе собственности и выводитъ современныя социалистическія партіи все болѣе на позиціи общенародныхъ партій, защищающихъ уже не интересы отдѣльнаго класса, а совокупный интересъ народнаго хозяйства и національной культуры въ цѣломъ. Здѣсь дѣйствуетъ не та чисто внѣшняя діалектика, которую марксизмъ

унаследовалъ отъ дурно понятого гегельянства, полагая, что превращеніе класса въ народъ послѣдуетъ какъ синтезъ въ результатѣ предваряющаго его во времени антитезиса въ видѣ социальной революціи, въ отрицаніи которой должно перекинуться въ свою противоположность доведенное до своего возможнаго предѣла классовое господство пролетаріата. Напротивъ та подлинная діалектика, которая проявляется въ происходящемъ на нашихъ глазахъ перерожденіи социализма, превращаетъ его, дѣйствуя органически изнутри, безъ выдѣленія антитезиса въ особую временную ступень, изъ классового движенія въ движеніе общенародное: классъ не перекидывается механически въ отрицаемый имъ народъ, а органически выростаетъ въ народъ, ю мѣръ того, какъ растетъ его удѣльный вѣсъ въ народномъ хозяйствѣ и его отвѣтственность передъ судьбой національной культуры. Поэтому и классовая борьба понимается уже не какъ организациа одного только класса, долженствующаго «раздуть» ее до гражданской войны, а какъ организациа самыхъ разнообразныхъ слоевъ и факторовъ усложняющагося въ своемъ строеніи социальнаго цѣлага: промышленнаго пролетаріата, сельско - хозяйственныхъ рабочихъ, крестьянства, потребителей, промышленнаго предпринимательства, обмена и транспорта, кредита. Захватывая въ этомъ своемъ ростѣ все болѣе обширныя и глубокіе пласты социальнаго цѣлага, она дѣйствительно какъ бы перекидывается въ свою противоположность, перерождаясь на нашихъ глазахъ

въ борьбу противъ ограниченной классовой точки зрѣнія, въ борьбу за освобожденіе государства, хозяйства и права отъ той умаленности и ущербленности ихъ бытія, въ которой они пребывали вслѣдствіе односторонней зависимости своей отъ классовыхъ интересовъ господствующихъ въ нихъ общественныхъ группъ. Поэтому то социализмъ, думается мнѣ, становится нынѣ все болѣе и болѣе наследникомъ демократической (не въ догматически политическомъ, а въ болѣе обширномъ, трудно опредѣлимомъ смыслѣ слова), интеллигентской традиціи, продолжателемъ завѣтовъ Кондорсе, Милля, Жореса, несмотря на всю раздѣляющую ихъ ограниченность и историческую обусловленность ихъ философскаго и политическаго воззрѣнія. И это тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе осознаетъ онъ свою принципиальную противоположность къ коммунизму.

Могутъ возразить: не теряетъ ли социализмъ, въ этомъ своемъ развитіи отъ абстрактнаго государственнаго къ конкретному оправданію, отъ механическаго и революціоннаго къ органическому и эволюціонному воззрѣнію, самой своей сущности, не перестаетъ ли онъ быть социализмомъ? На это я отвѣчаю: почему такое двурушное отношеніе къ социализму? Почему всѣмъ другимъ общественнымъ движеніямъ дозволяется претерпѣвать эволюцію, оставаясь самими собой, за социализмомъ же однимъ не признается право на развитіе, на ростъ, на внутреннее перерожденіе, т. е. на жизнь? Почему Биконсфильдъ, проводящій избирательную реформу, почему Чемберленъ, рас-

ширяющій социальное страхованіе, признаются, справедливо, наследниками Берка и Питта? Что общаго между вносящимъ въ парламентъ свой «народный бюджетъ» Ллойдъ - Джорджемъ и его либеральнымъ предкомъ — Рикардо или Кобденомъ? Безспорно, эволюція, которую социализмъ продѣлалъ хотя бы отъ Маркса до разсмотрѣнныхъ нами аграрныхъ программъ, громадна. Социализмъ началъ съ отрицанія государства, права и хозяйства, мечта объ общественной организаціи на началѣ чистой техники: **технической социализмъ**. Ревизионизмъ, слѣдуя Лассалевской традиціи, возстановилъ для социализма идею государства, получившую преобладаніе внутри социалистической теоріи: **государственный социализмъ**. Синдикализмъ, продолжая традицію Прудона, возстановилъ идею хозяйства, наглядно показавъ всю самобытность хозяйственной сферы въ ея отличіи отъ рационалистически устрояющей міръ техники: **экономическій социализмъ**. Нынѣ послѣвоенный социализмъ, какъ онъ отразился между прочимъ въ новыхъ аграрныхъ программахъ, отказывается и отъ гегемоніи государства и отъ гегемоніи хозяйства въ пользу суверенитета права, которое должно подчинить себѣ и государство и хозяйство, пронизавъ ихъ изнутри своей стихіей, и тѣмъ самымъ преобразить ихъ, поднять ихъ на новую ступень развитія: **правовой социализмъ**.

Предполагается ли еще такое преображеніе? Признавая вновь государство и хозяйство и право, признавая дифференціацію общества на множество обществен-

ныхъ слоевъ и частную собственность на землю и орудія производства, не становится ли социализмъ на почву современнаго общественнаго уклада, не отказывается ли онъ отъ «преображенія» общественнаго строя? Безспорно, если дѣлать все развитіе человечества на два періода, помѣщая въ одинъ «буржуазный періодъ» безразлично и рабовладѣльческое хозяйство древности, и крѣпостное хозяйство средневѣковья, и меркантилизмъ, и промышленный капитализмъ, и капитализмъ финансовый, т. е. въ сущности всю исторію, подъ «соціалистическимъ же періодомъ» понимая «оставившуюся исторію» коммунистической эсхатологии, какъ то возвращающуюся назадъ къ минимуму доисторическому бытію «первобытнаго коммунизма», — то въ «правовомъ социализмѣ» никакого преображенія современнаго общества не предвидится. Но если, спустившись на землю, согласиться различать внутри «буржуазнаго періода» отдѣльные этапы и формы общественнаго развитія, то безспорно, что та форма государственнаго и хозяйственнаго бытія, которая вырисовывается въ результатъ осуществленія требованій современныхъ соціалистическихъ программъ, такъ существенно различается и отъ современнаго капиталистическаго строя и отъ крѣпостнаго феодальнаго порядка, что можетъ по праву притязать на особое наименованіе. Въ силу своей чисто практической задачи, аграрныя программы ограничиваются установленіемъ и обоснованіемъ отдѣльныхъ конкретныхъ мѣропріятій, долженствующихъ повести къ преобразованію

современнаго государственнаго и хозяйственнаго порядка и въ этомъ смыслѣ дѣйствительно стоять на почвѣ современнаго строя, и при томъ даже не взятаго отвлеченно, а такого, какъ онъ выкристаллизовался въ конкретной обстановкѣ отдѣльныхъ странъ. Они не ставятъ своей задачей систематическую характеристику того общественнаго строя, который создается въ результатъ осуществленія требуемыхъ ими мѣропріятій. Дать эту характеристику не можетъ поэтому входить и въ задачу настоящей статьи, тѣмъ болѣе, что я пытался уже въ другомъ мѣстѣ такую характеристику сдѣлать*).

С. I. Гессенъ.

*) Срв. мои статьи о «правовомъ социализмѣ» въ *Совр. Зап.*, кн. 30 - 31. По сравненію съ довоеннымъ социализмомъ, съ одной стороны, и либерализмомъ, съ другой, намѣчанный новыми программами путь есть въ извѣстной мѣрѣ третій путь, снимающий ограниченность обоихъ первыхъ рѣшеній вопроса. Въ русской эмиграціи недавно появился двѣ попытки намѣтить такой третій путь, который равно отличался бы и отъ социализма, и отъ капитализма. Я имѣю въ виду вышедшую въ этомъ году программу «Крестьянской Россіи» и составленный Н. Н. Алексѣевымъ «опытъ обоснованія соціально - экономической программы евразійства» («Собственность и социализмъ»). Несмотря на весь свой противъ социализма направленный пафосъ, программа «Крестьянской Россіи», повидимому того не подозревая, повторяетъ въ своей практической части ос-

новныя требованія новыхъ социалистическихъ аграрныхъ программъ, отличаясь отъ изложенной въ нихъ стройной системы мѣропріятій двумя особенностями: 1) эклектизмомъ своихъ практическихъ требованій, механически соединяющимъ нѣкоторые элементы капитализма съ нѣкоторыми элементами социализма; 2) теоретическимъ безсиліемъ опредѣлить тотъ принципъ, на основѣ котораго только и возможно снятіе противоположности социализма и либерализма, чѣмъ и объясняется усвоеніе «Крестьянской Россіей» самаго худшаго и отжившаго въ марксизмѣ — его классовой точки зрѣнія. «Крестьянская Россія» начинаетъ съ того, чѣмъ кончается не могущій еще разстаться со своей марксистской фразологіей социалистъ. На въ существѣ своемъ неклассовыя, общедемократическія требованія она налагаетъ густой слой краски классового «аграризма», — и это тогда, когда современныя социалистическія партіи все болѣе и болѣе изживаютъ свою первоначальную классовую точку зрѣнія. — Несравненно искуснѣе въ своей теоретической части «опытъ» Н. Н. Алексѣева. Но вся сила его заключается въ его критической части, ограничивающейся однако только критикой довоеннаго социализма и не выходящей за предѣлы той самокритики социализма, которая уже дана въ послѣвоенной социалистической литературѣ. Что эта послѣдняя просто игнорируется авторомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ на нее ссылается, показываетъ хотя бы ссылка на мою напечатанную въ «Совр. Запискахъ» работу о «правовомъ

социализмѣ», въ которой Н. Н. Алексѣевъ довольно развязнымъ образомъ приписываетъ мнѣ взгляды, прямо противоположные высказывавшемуся мною. Говоря о возрожденіи нѣкоторыхъ чертъ ленной собственности (С. З., XXXI, 332 сл.) — ея относительнаго (функциональнаго) характера и присущаго ей іерархическаго порядка, — я нигдѣ не утверждалъ, что феодальная собственность была «собственностью какого-либо коллективнаго, юридическаго лица» или «собственностью съ неопредѣленнымъ количествомъ субъектовъ», какъ это приписываетъ мнѣ Н. Алексѣевъ (65). Я этого уже потому не могъ утверждать, что социализация, въ которой я будто бы вижу «реставрацію» феодальной собственности (хотя основной недостатокъ послѣдней — смѣшеніе функций частныхъ и публичныхъ — формулированъ мною въ тѣхъ же терминахъ, какъ и Н. Алексѣевымъ, тамъ-же, стр. 338), есть для меня менѣе всего замѣна индивидуальнаго собственника коллективнымъ или «неопредѣленнымъ количествомъ субъектовъ», какъ это хорошо извѣстно всѣмъ читающимъ мою работу. Напротивъ, предвосхитивъ опять-таки взгляды самого Н. Алексѣева, я какъ въ критической, такъ и въ положительной части всей своей работы проводилъ въ качествѣ основного ея лейтъ — мотива мысль о томъ, что реформа частной собственности не можетъ заключаться въ «измѣненіи (перемѣнѣ?) ея субъектовъ». Впрочемъ я отнюдь не хочу сказать, что взгляды Н. Алексѣева совпадаютъ съ моими. Положительное содержаніе его третья-

го пути, который «не есть ни социализмъ ни капитализмъ» и коему Н. Алексѣевъ даетъ названіе «государственно - частной системы хозяйства», есть въ сущности не что иное, какъ тотъ самый исправленный вмѣшательствомъ государственной власти капитализмъ, который такъ не правится Н. Алексѣеву, когда онъ высказывается О. Бауэромъ. Впрочемъ, и въ данномъ случаѣ Н. Алексѣевъ недостаточно внимательно прочелъ Бауэра. Послѣдній, какъ это я старался показать въ своей

предыдущей статьѣ (Совр. Зап., XXXIII), видитъ существо социализации отнюдь не въ томъ, что частная собственность будетъ «контръ - балансирована» собственностью государственной и ограничена «расширеннымъ impregium'омъ государства» (своего рода «искренній НЭП»), а въ томъ, что всякая собственность будетъ пронизана правомъ, которому долженъ принадлежать суверенитетъ и надъ государствомъ.

С. Г.

Пути русско-чешской взаимности (Къ 10-лѣтію независимой Чехословакіи).

Длиннымъ и долгимъ путемъ шель чехословацкій народъ къ преодолѣнію тѣхъ національныхъ тяготъ и униженій, которыя на него еще триста лѣтъ назадъ, и высокимъ поученіемъ и утѣшеніемъ для русскаго Зарубежья, для русскаго національнаго сознанія вообще лодонъ этотъ примѣръ Чехословакіи. Въ ощущеніи своей государственной прочности, въ удовлетвореніи своей національной независимостью и своимъ политическимъ значеніемъ, Россія и русское сознаніе не были, можетъ быть, такъ чувствительны къ идеалу народной свободы, какъ стало это доступнымъ теперь, въ условіяхъ уничтоженія русскаго имени на знамени русской земли, въ условіяхъ національнаго униженія и распада. И каждый праздникъ народной свободы и независимости теперь рождаетъ живой откликъ въ русскомъ сознаніи, тѣмъ болѣе праздникъ народа, съ которымъ въ самомъ процессѣ освобожденія

было сдѣлано немало совмѣстныхъ шаговъ, знамя свободы котораго поднято было въ пылу общей борьбы, взнеслось надъ полемъ битвы, орошеннымъ общою кровью...

Народы русскій и чехословацкій вошли въ соприкосновеніе другъ съ другомъ уже въ начальную пору своего бытія, еще на зарѣ своей исторіи. И съ тѣхъ поръ почти полную тысячу лѣтъ уже прожили они, сохраняя постоянную, хотя и прерывистую, взаимную связь, увеличенную въ послѣднее столѣтіе расцвѣтомъ культурныхъ и національныхъ русско - чешскихъ отношеній, а въ послѣднія десятилѣтія — высокимъ примѣрами взаимнаго содѣйствія въ минуты переломовъ и крушеній въ исторической судьбѣ и Чехіи и Россіи.

Существенно различными были историческіе пути, послѣдние народами чешскимъ и русскимъ. Первый — съ самаго начала своего историческаго бытія поставленъ былъ въ сферы вліянія западнаго